ПОѢЗДКА ВЪ ВЯТКУ.

(Отрывки изъ писемъ къ К.....ой.)

1824. *Декабря...*

..... До города Козмодемьянска, я летѣлъ, не ѣхалъ. Оставалось одно утѣшеніе: сердиться на дорогу и торопить ямщиковъ. Я уже не могъ, какъ прежде, забавляться на станціяхъ разговорами со смотрителями: я торопился, какъ будто за мною гнались. Наконецъ я въ Козмодемьянскѣ!

Какая досада! — Рѣка покрыта льдомъ. — Переѣхать невозможно! — «Вздоръ! я переѣду!» Какъ вамъ угодно! отвѣчаетъ смотритель — лошади есть! — « Прикажите закладывать. » — Лошади готовы. Сажусь въ повозку — мы на берегу Волги. Нѣтъ парома! Огромнѣйшія льдины несутся по величественной Волгѣ и толкаясь одна съ

другою съ шумомъ и трескомъ, представляющимъ какъ будто льдяныя волны. Вѣтеръ ужасный! Вотъ пошелъ снѣгъ и вьюга подилась надъ рѣкою; невидно противнаго берега! Слышутся крики.. — это паромъ. Слава Богу!

Болѣе часа сидѣлъ я въ повозкѣ въ ожиданіи парома; наконецъ онъ пристаетъ къ берегу. Вьюга усиливается. Льдины все болѣе и болѣе загораживаютъ Волгу. Судите о моей досадѣ! Перевозчики рѣшительно отказываются перевезти меня! Ни угрозы, ни деньги не помогаютъ! — «Ледъ, вьюга, смеркается, опасно!» Вотъ причины ихъ, и я долженъ былъ возвратиться въ Козмодемьянскъ.

И вотъ я опять въ Козмодемьянскѣ! Опять въ маленькой комнаткѣ станціоннаго смотрителя! Мои чемоданы и прочая поклажа висѣли сюда же — едва оспасти-

ся небольшой проходъ въ комнатѣ. На улицѣ тихо — только одинъ вѣтеръ бушуетъ и свищетъ въ ветхіе ставни. Засвѣтили свѣчу. Въ ближней комнатѣ раздались плачь ребятъ и колыбельные припѣвы старухи, матери Смоприпиля. Грустно! Какъ грустно! Зачемъ я поторопился? Зачемъ еще день, другой, не прожилъ въ Нижнемъ? — Какъ весело тамъ въ сію минуту! Весь городъ на балѣ у Р.; музыка гремитъ — Граціи летаютъ въ вальсѣ. Молодежь помнитъ только настоящее удовольствіе; и я, и я былъ бы тамъ — но уже поздно! Двѣсти верстъ легли межъ Нижнимъ и мною! Что дѣлать съ горя? Пить чай и читать! Это умѣренное, отшельническое желаніе мое исполнилось. Я напился чаю, а Смоприпиль принесъ мнѣ кучу газетъ, журналовъ, и между ними *Благонамѣренный*, и именно тотъ самый нумеръ, въ которомъ напечатана *Исторія бѣднаго Макара!* — Или судьба преслѣдуетъ меня за на-

смѣшки надъ нею? Или она, въ самомъ дѣлѣ, хочетъ увѣрить меня, *бѣднаго Макара*, что я рожденъ для несудачь? И какъ ей не вѣрить? Она понюнила *Исторію Макара* во время Петербургскаго наводненія! Теперь — я скачу на почтовыхъ — Макарь передо мною, и какъ будто говоритъ, указывая на Волгу: *ты не переправишься*!

Часто, во время переѣздовъ моихъ, случалось мнѣ провождать неописанно унылые часы, или въ ожиданіи лошадей, или отъ невозможности ѣхать далѣе за непогодою, и всегда, какъ нарочно, это безпокойное ожиданіе происходило въ самыхъ тѣсныхъ квартирахъ, въ самыхъ маленькихъ городкахъ . . Однако, нигдѣ не скучалъ я такъ, какъ въ Козьмодемьянскѣ; и теперь — одно воспоминаніе о Козмодемьянскѣ, о комнаткѣ Смотрителя, сжимаетъ сердце. Я увѣренъ, что это воспоминаніе можетъ испугать меня въ самую веселую минуту! Ахъ!

ради Бога, въ разговорахъ со мною не упоминайте никогда о Козьмодемьянскѣ!

Какъ сильно дѣйствуютъ на человѣка видимые предметы, и какъ быстро измѣняется онъ въ чувствахъ и ощущеніяхъ своихъ при переходахъ отъ скучнаго къ занимательному, и отъ печальнаго къ веселому!

Въ Козьмодемьянскѣ мнѣ казалось, что я навсегда погребенъ въ этомъ печальномъ городкѣ — что невозвратно прошло для меня время пріятное — что нѣтъ границъ моему горю, моей скукѣ; а теперь — сидя въ Царевосанчурскѣ, въ 95 верстахъ отъ Волги, примирился со свѣтомъ, и все упѣваетъ меня, все пріятно занимаетъ глаза и воображеніе.

Я переправился черезъ Волгу, и воспоминаніе объ этой переправѣ навсегда останется въ памяти моей. Болѣе часа пробивались мы между льдинъ прошивъ теченія,

на встрѣчу рѣзкаго, холоднаго вѣтра. Перевозчики были въ безпрерывной работѣ. Кормчій кричалъ безпрестанно. Нѣсколько разъ огромныя льдины сжимали наіъ бѣдный паромъ — и тащили его внизъ по теченію — наконецъ — мы на той сторонѣ! Забыто горе, забыты опасенія. Тройка рѣзвыхъ Вятскихъ лошадей со станціи ожидаетъ меня. Мы въѣзжали въ лѣсъ. Чемъ далѣе, тѣмъ онъ гуще. Мрачныя, высокія сосны по обѣимъ сторонамъ ограничиваютъ нетерпѣливые взоры, и 85 верстъ безпрерывно — одинъ лѣсъ! Какъ хорошо должно быть здѣсь въ Сентябрѣ мѣсяцѣ! Какъ пріятно провѣжать въ ясное, осеннее время этою густою аллеею!

Я уже въ Орловѣ. Орловъ прелестный городокъ Вятской губерніи. Мое путешествіе, до сей минуты можно раздѣлить не на главы, не на станціи; а на ощущенія: иначе быть не можетъ съ путешествен-

никомъ по неволѣ. Невольникъ способенъ только къ понятію о настоящемъ; будущее не существуетъ для его печальнаго воображенія. Множество новыхъ предметовъ развлекли меня.. дорога прелестная: ѣдучи по ней, мнѣ казалось, что по обѣимъ сторонамъ я вижу бульвары, или аллеи для пѣшеходцевъ.. И въ самомъ дѣлѣ, въѣхавъ въ Вятскую губернію, тотчасъ видите совсѣмъ другое. — Дорога обсажена березками, огорожена барьерами. Сколько прудовъ! И я опять не когда бы ударился въ разсужденія, если бъ забавнѣйшіе предметы не отвлекли моего вниманія отъ березокъ и барьеровъ. Эти забавные предметы составятъ въ странной упряжкѣ здѣшнихъ лошадей. Вообразите, что въ мою маленькую повозку запрягаютъ по четыре лошади — гуськомъ!. Ямщикъ управляетъ ими посредствомъ тоненькой, веревочной возжи и длиннаго кнута. Кромѣ того, безпрерывно кричитъ и свиститъ. Это чрезвычайно

меня забавляетъ, особенно разговоры его съ передней лошадью, которая обыкновенно самая смышленая, и по правдѣ, управляетъ и самимъ ямщикомъ. На одной станціи я удивился, что очень покойный домикъ Смотрителя пустъ; всѣ окна отворены. — «Зачемъ не живешь ты здѣсь?» спросилъ я его. — Вымораживаю таракановъ! — отвѣчалъ онъ. — Вотъ самое дѣйствительное средство выживать непріятныхъ гостей!. Кстати о тараканахъ, я вспомнилъ о покойномъ старикѣ *N. N.*, который также вымораживалъ своихъ гостей. Бывало созоветъ къ себѣ весь городъ, и несмотря на 25 град. мороза, велитъ отворить всѣ окна и двери. Жаль только, что проказы его не имѣли никакой цѣли. — Черемисы живутъ такъ не опрятно, что совѣстно войти въ ихъ избу, и отъ Козмодемьянска я еще не выходилъ изъ повозки.

Я въ Вяткѣ! Сей часъ пріѣхалъ, обогрѣлся, отобѣдалъ — и насмотрѣлся на улицу, которая передъ окнами моей комнаты. Множество народа, коннаго и пѣшаго, безпрерывно тянется на рынокъ: всѣ приготовляются къ празднику! Но всѣмъ ли весело? Однако вѣрно ни одинъ изъ этихъ мелькающихъ передо мною хлопотуновъ не встрѣтитъ праздника такъ грустно, какъ я! Чудныя перевороты судьбы! Думалъ ли я, что буду праздновать новый годъ въ Вяткѣ?

Отдавшись на волю мечтамъ, которыя переносили меня по всѣмъ знакомымъ мѣстечкамъ, городкамъ, спѣшнымъ, гостинымъ и кабинетамъ, я вспомнилъ 1820 годъ — и удивился сходству приключеній моихъ въ томъ высокосѣ съ приключеніями нынѣшняго!

Не одинъ я, всѣ вообще пріѣзжіе обманываются, думая, что Вятка маленькій, бѣдный городокъ — немного лучше знаме-

нитаго Богородска; но я желалъ бы всегда такъ приятно обманываться. Вятка выстроена правильно: улицы прямы и широки; вездѣ тротуары для пѣшеходцевъ, соборъ и церкви (числомъ 19) великолѣпны; однихъ каменныхъ домовъ 83... Мѣстоположеніе города очень красиво. Онъ стоитъ на горѣ — внизу рѣки, кругомъ множество богатыхъ селъ.

ГОСУДАРЬ ѣздилъ за рѣку нарочно для того, чтобъ полюбоваться видомъ города, который очень ему понравился.

Образъ жизни здѣсь обыкновенно, какъ и вездѣ, въ провинціяхъ; но Вятку не должно сравнивать съ другими городами: здѣсь нѣтъ дворянства. Жители города состоятъ изъ служащихъ чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, и сказать ли вамъ откровенно: мнѣ нравится Вятка потому, что въ ней нѣтъ дворянства; потому что въ ней нѣтъ барской спѣси; нѣтъ Тряпжиринихъ и Угаровыхъ. Всѣ здѣсь заняты, и нѣтъ пе-

служащихъ. Чиновники съѣхались изо всѣхъ сторонъ Россіи, но болѣе изъ столицы: — опытъ того вы не примѣтите въ обществахъ почти ничего похожаго на провинціальное. Увидя всѣхъ вмѣстѣ, вы подумаете, что вы въ Москвѣ, или лучше въ Петербургѣ: содержаніе разговоровъ, занятія, тонъ, обращеніе, все покажетъ вамъ, что вы не въ провинціи. Жаль одного: здѣсь нѣтъ никакихъ общественныхъ удовольствій (*). А потому все такъ смиренно, такъ однообразно... А бѣдныя дамы!... Имъ остается одно воспоминаніе о прошедшихъ балахъ и праздникахъ. И въ самомъ дѣлѣ! какъ не пожалѣть о Петербургской уроженкѣ, о Лифляндкѣ, или Московкѣ, заѣхавшей въ городъ, гдѣ нѣтъ музыки, нѣтъ театра, не бываетъ баловъ?

Виноватъ! Я забылъ, что имъ остаются домашнія занятія, хозяйство, воспита-

(*) Писано въ началѣ 1825 года. Теперь открыто тамъ благородное собраніе.

ніе дѣтей... Кстати о чтеніи: сюда выписываются всѣ журналы: дамы любятъ Литтературу и ни одна не спроситъ: "не написалъ ли чего новенькаго Вольтеръ?„

Можетъ быть ни въ одномъ Русскомъ городѣ нѣтъ столько духовныхъ процессій и праздниковъ, какъ въ Вяткѣ. Съ весны до глубокой осени продолжаются по губерніи ходы съ иконами. Только зимою не оставляютъ онѣ города. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ городскихъ праздниковъ нельзя не упомянуть *о четвертой субботѣ* великаго поста; а чтобъ разсказъ мой не показался темнымъ, надобно знать вамъ, что въ Вяткѣ есть мужескій Монастырь основанный преподобнымъ Трифономъ, вся жизнь котораго была непрерывная цѣпь трудовъ и подвиговъ Христіанскихъ. Въ эту *четвертую субботу* великаго поста собираются сюда всѣ окружные жители, и кромѣ товаровъ, которые они навозятъ въ

городъ, всякой везетъ нѣсколько десятковъ блиновъ для роздачи бѣднымъ. Въ монастырѣ есть колодезь, изкопанный самимъ Пр. Трифономъ: изъ него пользуются водою всѣ желающіе пить здоровую, чистую и легкую воду; и въ этотъ-то колодезь простой народъ бросаетъ блины. На другой день вечеромъ блины эти вытаскиваютъ изъ колодца и раздаютъ нищимъ. Но *четвертая суббота* по Пасхѣ еще замѣчательнѣе. Въ этотъ день весь народъ собирается у древней часовни близъ присутственныхъ мѣстъ. Это мѣсто называется *Свистопляскою*. Тамъ обыкновенно продаютъ въ этотъ день глиняныя куклы, глиняные свистки, въ которые народъ свиститъ въ продолженіе всего дня, и глиняные шарики, которыми бросаютъ другъ въ друга. Хотите ли узнать, какъ, отчего, и почему продаютъ въ этотъ день глиняныя куклы, свистятъ и бросаютъ другъ въ друга шарами и почему са-

мое мѣсто названо *Свистоплясковою*? Постараюсь удовлетворить вашему любопытству: но наперед говорю, что повѣсть моя будетъ не совсемъ согласна съ Исторіею. Я, какъ и многіе, поспараюсь согласить сказку съ былью — въ лѣтописяхъ же Вятскихъ ничего о томъ не говорится. Мнѣ хотѣлось изъ *Свистоплясковъ* составить романъ, историческую быль..... Но я когда-то самъ вооружался противъ исторической смѣси — и такъ не угодно ли послушать изустнаго преданія?

Въ тысяча, (боюсь утвердительно сказать въ которомъ году, потому что одни ссылаются на 1605; другіе, и вѣрнѣйшіе, на 1241 годъ). Какъ быть? Но я пишу не Исторію, даже не романтическую быль — скажу просто: давно, очень давно на мѣстѣ, которое теперь такъ красиво устанавливается деревянными столиками, на которыхъ сіяютъ и пестрѣютъ раззолоченныя и разкрашенныя куклы, на этомъ

мѣстѣ произошло жестокое сраженіе между Вятчанами и Успожанами. Сраженіе несчастное, столько сотъ лѣтъ достойно оплакиваемое, потому что тутъ сражались не враги, а друзья и союзники между собою: сражались, думая, что защищаютъ другъ друга!.. Главнѣйшею причиною этого несчастнаго сраженія полагаютъ: слабое зрѣніе Вятчанъ, и нѣкоторые изъ бойкихъ историческихъ разсказчиковъ утверждаютъ, что именно послѣ этого сраженія стали называть Вятчанъ: *слѣпородами*. Преданіе незаслуживающее вниманія: но оно сохранилось, и со временемъ, можетъ быть, *объяснитъ* многія темныя мѣста въ Вятской Исторіи.

Извините маленькое отступленіе... Итакъ, на мѣстѣ, которое нынѣ называется *Свистопляскою*, происходило сраженіе между Вятчанами и Успожанами; они дрались всю ночь — разсвѣло; и кто опишетъ ужасъ Вятчанъ, когда они увидѣли,

что рубятъ и истребляютъ друзей своихъ? Какъ изобразить отчаяніе Устюжанъ, когда вмѣсто Татаръ, съ которыми пришли сражаться, узнаютъ они, что дерутся съ союзниками своими Вятчанами? Опустились копья мѣткія, выпали изъ рукъ мечи булатные, и вмѣсто криковъ побѣдныхъ, раздались вопли погребальные: одинхъ убитыхъ Вятчанъ сосчитали болѣе 4000 человѣкъ!... Потеря Устюжанъ еще важнѣе: у нихъ убитъ ихъ предводитель Анфалъ и юный сынъ его — юный герой Несторъ... Скорбь, плачь рыданія распространились въ городѣ; а несчастные союзники Устюжане тотчасъ удалились восвояси, унеся съ собою тѣла своихъ Князей... Кто эта блѣдная дѣвушка съ растрепанными волосами, съ отчаянными, неподвижными взорами, бѣжитъ на мѣсто сраженія? Это дочь Вятскаго начальника (имени ея не имѣемъ чести знать) несчастная невѣста героя Нестора!.. Она

требуетъ своего милаго отъ всей природы.... Увы! напрасно! Печальный оруженосецъ докладываетъ ей гдѣ убитъ Несторъ, что говорилъ онъ передъ смертію; разсказываетъ, что Несторъ убѣдилъ отца своего идти на помощь Вятичанамъ, осажденнымъ Татарами; что они, Устюжане, пришли ночью къ Вяткѣ и поутру вступили въ бой: но уже на разсвѣтѣ узнали, что вмѣсто Татаръ дерутся со своими друзьями и союзниками... *Она* слушаетъ оруженосца — молчитъ — бѣжитъ въ городъ, принимаетъ ядy — и умираетъ!

Въ память этого несчастнаго сраженія, на мѣстѣ, гдѣ оно произошло, построили часовню и въ воспоминаніе необыкновенной драки стали представлять ее каждогодно. Жители становились по обѣ стороны рва и присвистывая, бросали другъ въ друга шариками. Теперь забавляются этимъ нѣсколько юныхъ затѣйниковъ. Почемужь продаютъ тутъ куклы? — Вотъ

видите ли: въ пользу вдовъ, которыхъ мужья убиты въ семъ сраженіи, стали продавать пунъ глиняныя куклы.... Или сами вдовы, отъ нечего-дѣлать, вздумали на мѣстѣ своей скорби продавать куклы. Какъ бы то ни было, но это хорошо: конечно каждое чувствительное сердце не могло не сжалиться надъ осиротѣлыми и не купить нѣсколько куколъ, которыя и теперь продаются по 50 к. за десятокъ!. Не правда ли, что эта исторія очень занимательна? Какую повѣсть могъ бы написать изъ этого разсказа какой нибудь геній! Тутъ все есть: и ночь, и сраженіе, и любовникъ, и любовница, и тысячи смертей и ядъ... Но сказать ли вамъ откровенно? Это сраженіе, эта любовь и ядъ.... кажется мнѣ выдумкою временъ новѣйшихъ... И хотя я вѣрю историческому журналу, въ которомъ все то напечатано — хотя и грѣшно не довѣрять историческому, статистическому и географическо-

му журналу; но охотнѣе вѣрю Вятской Исторіи, въ которой ничего не сказано о сраженіи Устюжанъ съ Вятчанами. — Выслушайте: Анфаилъ, сынъ его Несторъ и Рассохинъ были Новогородцы, изгнанные за измѣну изъ великаго града. Они шатались тамъ и сямъ, наконецъ поселились между безпокойными Вятчанами. Каждому хотѣлось присвоить верховную власть — они поссорились, и начались междуусобныя драки. На одной изъ нихъ, 1421 года, Анфаилъ былъ убитъ съ сыномъ своимъ Несторомъ, и междуусобія прекратились. Въ память этихъ несчастныхъ дракъ построили часовню; вдовы убитыхъ начали тутъ торговать куклами, потому что ничего другаго дѣлать не могли—вотъ и все! Почему же мѣсто называется *Свистопляскою?* — Это названіе несравненно старѣе и часовни и происшествія, по случаю котораго она построена. Изъ чего же почерпнулъ Издатель Вятской Исто-

рiи, въ историческомъ журналѣ, любовь Нестора къ дочери Рассохина, не знаю! Отъ кого слышалъ онъ о ядѣ и несчастномъ сраженiи — не вѣдаю! Знаю только, что и нынѣ это мѣсто называется *Свистопляскою*, что тамъ продаютъ глиняныя куклы и свистятъ въ 4-ю субботу по Пасхѣ, и что не всегда должно вѣрить историческимъ журналамъ!

Чудотворный образъ Св. Николая, который находится въ здѣшнемъ соборѣ, съ Маiя мѣсяца до половины Ноября, безпрерывно носятъ по всѣмъ городамъ губернiи. Прежде всего отправляется онъ въ *Великорѣцкое село*, въ 70 верстахъ отъ Вятки. Тамъ явился онъ, и туда каждый годъ приходитъ онъ, сопровождаемый тысячами народа. Послѣ обѣдни, все Духовенство съ иконами идетъ къ рѣкѣ.. Служатъ молебенъ, и потомъ икона отправляется въ каперѣ до села Макарьевскаго.

Картина восхитительная! Въ одну минуту рѣка покрывается лодками и барками съ богомольцами, и всѣ пускаются за катеромъ.

Село Великорѣцкое достойно вниманія: и по ярмонкѣ, которая бываетъ тамъ по приходѣ иконы, и по живописному положенію своему. Икона явилась на берегу рѣки Великой: теперь строятъ на томъ мѣстѣ великолѣпную часовню.

Село, во время этой ярмонки, обращается совершенно въ уѣздный городокъ: стеченіе народа необыкновенно велико.

Я провелъ тамъ сутки, и, признаюсь вамъ, не успѣвалъ замѣтить все любопытное: такъ много нашелъ я тамъ его. Напримѣръ: подлѣ собора выстроенъ родъ сарая. Для чего? спросите вы? — Для барановъ, которыхъ привозятъ богомольцы. Въ первый день, по приходѣ образа, пожертвовано 180 барановъ. И тутъ же, въ этомъ же сараѣ, продаютъ ихъ желающимъ, а

остальныхъ убиваютъ и въ страшныхъ котлахъ варятъ супъ для нищихъ. Нищихъ собирается сюда въ это время необыкновенное множество: въ нынѣшній годъ было 1700. Кромѣ того, что ихъ кормятъ, соборъ выдастъ имъ, по уходѣ образа, и денежную помощь, всѣмъ одинаковую. Слѣпые, по обыкновенію какъ и на всѣхъ ярмонкахъ, садятся всѣ вмѣстѣ въ кружокъ, и съ утра до ночи поютъ *Лазаря* и *Алексѣя Божія человѣка*. Нельзя не остановиться также и передъ публичными писарями, которые смирно стоятъ на паперти и лѣстницѣ, ведущей въ соборъ, съ листикомъ бумаги въ рукахъ, и съ чернильницей, висячей на поясѣ. Богомольцы, идущіе въ церковь, относятся къ нимъ, сказываютъ имена тѣхъ, о здравіи которыхъ хотятъ молиться, платятъ по копѣйкѣ за имя, и съ полученными листочками идутъ въ церковь. Большая часть этихъ писарей отставные солдаты. Я вспомнилъ Бухарскихъ Мирзъ, ко-

торыс, подобно нашимъ Великорѣцкимъ писарямъ, привѣшиваютъ къ полсу чернильницу и всенародно отправляютъ свою должность. Для наблюденія за порядкомъ дѣйствуетъ Земская Полиція. И опять азіятскос обыкновеніс, когда я увидѣлъ множество крестьянъ, съ длинными палками и ярлыками на груди; эти люди отправляютъ здѣсь должность полицейскихъ служителей.

Кончу замѣчанія мои о Великорѣцкой ярмонкѣ политическимъ замѣчаніемъ: народъ богатѣетъ. Это сказалъ мнѣ старосна церковный, удивленный необыкновеннымъ множествомъ копѣекъ, пожертвованныхъ богомольцами: на вторый день прихода образа, онъ насчиталъ уже 3000 копѣекъ!

Если я заговорю съ вами повятски, вы вѣрно не поймете меня: я уже набралъ и подслушалъ множество словъ, которыхъ никогда не слыхалъ до сего времени, и со-

всемъ темъ эти слова совершенно Русскія. Коренные жители Вятки Новгородцы. Кромѣ множества незнакомыхъ словъ, которыя услышите отъ Вятчанъ, вамъ странно покажется самое произношеніе ихъ. Они говорятъ нараспѣвъ, и особенно растягиваютъ послѣднія слова своей рѣчи. — Вообразите, напримѣръ, что передъ вашими окнами остановились два крестьянина: два Вятчанина, и разговариваютъ между собою. "Штее у тея!„ — Шоры! — "Лонскіе?„ — Лонскіе лоништа проданы. — "А если у тебѣ селюшки?„ — Нѣтъ, парень, всѣхъ запродалъ — "Да штё у тея шалы-то покрасѣли?„ — Да штё! Послѣ комухи, знашь! — "Ну, проспи, родимой: пойти купить мѣлу!„ — Они разстались. Теперь позвольте спросить васъ о чемъ они разговаривали? Но я не хочу утомлять васъ отгадываніемъ Вятскихъ словъ и приступаю къ переводу: *штё* всегда говорится вмѣсто *что*, и очень нараспѣвъ—

шоры — индѣйки; лонскіе — прошлогодніе; лонюста — прошлаго года; селюшки — цыплята; талы — глаза; колиуха — лихорадка; лѣлѣ — дрожди! — Теперь вы знаете, что задачливый разговоръ былъ о индѣйкахъ, цыплятахъ и дрождяхъ!... Мнѣ хотѣлось познакомить васъ хоть немного съ Вятскимъ нарѣчіемъ и блеснуть передъ вами моими успѣхами въ немъ — иначе я не осмѣлился бы представлять вамъ Вятичей и заставить васъ слушать такой неинтересный разговоръ.. Можетъ быть, вы уже давно бросили это письмо мое, и закрылись бѣленькимъ платочкомъ. Кажется, я уже слышу слова ваши: Ah! quel horreur! Ah! les barbares! — Виноватъ, виноватъ!—за то не услышите отъ меня болѣе ни слова... Вятскаго.

Лѣто проводятъ здѣсь довольно пріятно, хотя и мало бываетъ ясныхъ и тихлыхъ дней. Есть загородный садъ, устро-

сный какъ нельзя лучше — по всего прилтіе окрестности Вятки, особенно мѣста, прилегающія къ рѣкѣ. Нельзя не пожалѣть однако, что кромѣ сосны, ели и пихты, здѣсь нѣтъ — почти никакихъ другихъ деревъ — и несмотря на то, мѣста приятны; угрюмыя сосны не портятъ восхитительныхъ видовъ. Прогулки по водѣ, по окрестностямъ, рыбная ловля. — Вотъ въ чемъ прошли мои лѣтніе мѣсяцы! Наступила осень — Сентябрь, и я очутился въ Кав.. Не читая далѣе, позвольте спросить васъ, слыхали ли вы, что въ царствѣ Русскомъ есть городъ, который называется Касмъ? Не слыхали? — Вѣрно не слыхали? — Этотъ незнаменитый, заштатный, отставный городъ, лежитъ на самомъ сѣверѣ Вятской губерніи... Если вѣрите мнѣ, то не справляйтесь съ календаремъ!— Зачемъ же я очутился въ Кав? — Изъ любопытства — какъ чувствительный путешественникъ, наблюдатель нравовъ, и бо-

лѣс ничего. Увы! справедливость требуетъ, чтобъ я открылъ вамъ, что не я одинъ изъ доброй воли видѣлъ Кай: еще въ 1771 году былъ тамъ Академикъ Лепехинъ, и описалъ городъ и камни и травы и деревья и воды. Если хотите знать, что онъ говоритъ о Каѣ; загляните въ Географическій Словарь: тамъ слово въ слово выписано изъ его путешествія все, что онъ написалъ о Каѣ. Говорятъ, будто весьма позволительно перепечатывать подъ своимъ именемъ чужое, чему примѣровъ тысячи — и я по примѣру Издателя Географическаго Словаря могъ бы поживиться около покойника Лепехина — но я всегда былъ не охотникъ до чужаго. Скажу вамъ о Каѣ то только, что самъ узналъ, самъ видѣлъ и слышалъ: но я, кажется, горячусь, собираясь разсказывать вамъ о неслыханномъ городѣ; вы, можетъ быть, подумали уже, что я разскажу вамъ какое нибудь диво, и вы приготовляетесь читать мою реляцію о Каѣ,

какъ извѣстія отъ Капитана Парри!.. Увы! меня занимаетъ не Кай, не чудеса; но желаніе писать къ вамъ: я радъ малѣйшему случаю, который доставляетъ мнѣ возможность поговорить съ вами о томъ, что вижу и что думаю — и, можетъ быть, я поѣхалъ въ Кай — единственно для васъ, чтобъ сообщить вамъ что нибудь новое и занимательное — я обманулся! Хотя и могу въ свое оправданіе сказать, что ничто не ново подъ луною; но не прощу себѣ никогда, если наскучу вамъ этимъ письмомъ и описаніемъ путешествія въ заштатный городъ Кай! Вы, можетъ быть, замѣтили уже, что вашъ покорный слуга, охотникъ до приключеній и готовъ на всякой походъ, лишь бы не зѣвать на одномъ мѣстѣ. Однообразіе утомляетъ душу, отъ однообразія до смертельной скуки одинъ зѣвокъ — а кто зѣваетъ, тому лучше идти спать. И не миновать бы этого и мнѣ, еслибъ не поѣздка въ Кай. Она случилась въ самое то

время, когда скука осадила меня со всѣхъ сторонъ: я впрыгнулъ въ коляску, и скука осталась на моей квартирѣ. Мысли распутались въ головѣ моей; я сталъ мечтать; вообразилъ, что ѣду открывать новыя земли; что напишу мое путешествіе и посвящу его... разумѣется вамъ; что меня ожидаютъ великіе подвиги.. и какъ не вообразить того, когда всякой, кто слышалъ, что я туда ѣду, крестился отъ страха, и сдѣлавъ длинную рожу, начиналъ разсказъ о болотахъ непроходимыхъ, о лѣсахъ дремучихъ, о медвѣдяхъ, о волкахъ!.. Но краснорѣчивые пугалы еще болѣе подстрекали мое любопытство; мнѣ хотѣлось приключеній—приключеній, существенно чувствительныхъ путешествій; я сказалъ: *ѣду!*— и поѣхалъ! Былъ въ Кавъ, возвратился изъ Кая; не видалъ ни болотъ, ни лѣшихъ, ни медвѣдей, и потому нѣтъ и путешествія въ Кай! Несмотря на безпрерывный дождь, вѣтеръ, грязь, туманы, я былъ счастли-

вѣе, довольнѣе собою въ уголкѣ коляски, чемъ въ свѣтлыхъ гостиныхъ и на званыхъ вечерахъ. Мысли мои свободно носились по волѣ прихотливаго воображенія — ничто и никто не развлекалъ меня — довольный своимъ мѣстечкомъ, спокойный въ душѣ — одна только мысль о разлукѣ тяготила меня.. но и эта мысль возбуждала во мнѣ какое-то особенное свѣжее чувство, которое услаждало сердце: мысль о разлукѣ, неразлучна съ мыслями о прелести свиданія!

Мы не торопились ѣхать, и обыкновенно останавливались ночевать въ какой нибудь деревнѣ. Какъ жаль, что я не могу разсказать вамъ никакого приключенія, ни анекдота; сколько ни ѣзжу, ни разу со мной не встрѣчалось ничего необыкновеннаго: завидую путешественникамъ, у которыхъ на каждой страницѣ — пріятныя встрѣчи, бури, грозы, молніи, разбойники, анекдоты! Но можетъ быть они выдумываютъ, а не описываютъ свои путешествія?

Не хочу тиранить своего воображенія, и разсказывать вамъ небылицы. . . .

Rien n'est beau que le vrai: le vrai seul est aimable.

Темно, до Кая остается не болѣе полуверсты. . . . нетерпѣніе наше возрастаетъ; но мы, изъ уваженія къ собственнымъ шеямъ, должны подвигаться шагомъ — грязь на землѣ, ни звѣздочки на темномъ небѣ. — Но вотъ вдали блуждающіе огни.. точно! . . . Но какое множество этихъ огней! — Чемъ ближе мы подвигаемся, темъ яснѣе огни. Въ недоумѣніи подъѣзжаемъ къ городу. . . и какъ описать наше изумленіе, когда узнаемъ, что блуждающіе огни — жители города Кая, вышедшіе со свѣчами въ фонаряхъ на встрѣчу! Мы изъ тьмы очутились въ свѣтѣ — и Кай показался намъ самымъ просвѣщеннымъ городомъ.

Добрые жители слыхали только, что у нихъ есть Губернаторъ; до сихъ поръ полнымъ хозяиномъ города былъ Раммапъ—

никогда Губернаторы не посѣщали Кая — никогда жители его не видали колясокъ... и вдругъ! застучали по Кайской мостовой двѣ коляски, и въ одной изъ этихъ колясокъ сидитъ Губернаторъ! Послѣ этого неудивительно, что Кайцы приняли насъ, со свѣчами и цѣлый городъ бѣжалъ за колясками до самой нашей квартиры.

Квартира наша не великолѣпна, несмотря на то, что намъ отвели лучшій домъ: двѣ комнатки, и все тутъ! Нѣтъ дивановъ, зеркаловъ и кресселъ — столъ, стулья - самые смиренные; скамья во всю длину стѣны; Мамаево побоище лубочной гравировки и огромная печь посреди комнаты — вотъ всѣ украшенія нашего жилища! Но послѣ 260 верстъ грязной дороги, послѣ безпрерывнаго дождя, не дурно отдохнуть на скамѣйкѣ и развеселить глаза Мамаевымъ побоищемъ.

Не угодно ли прогуляться со мною по Каю? Немножко грязно.. но вотъ настлали по всѣмъ улицамъ широкія доски — а про-

гулка не утомитъ васъ: городъ не обширенъ. Вездѣ и во всемъ замѣтна строжайшая умѣренность и простота: 116 домовъ, одинъ другаго старѣе; двѣ деревянныя церкви; улица, къ которой присоединяется съ обѣихъ сторонъ нѣсколько переулковъ; мостикъ, группы свиней и коровъ, вотъ все что рисуется въ глазахъ чувствительнаго путешественника, безъ плана и цѣли зѣвающаго на Кай. Строеніе не совсемъ хорошо — это правда; за то жители добры, честны: отдаленные отъ прочихъ людей лѣсами и болотами, они, можетъ быть, имѣютъ только половину пороковъ, которые гнѣздятся въ другихъ городахъ. Они дружны между собою, миролюбивы, и Ратманъ, Бургомистры, писаря не ломаютъ головъ надъ тяжбами: ни одной жалобы не дошло до Губернатора; а это большая рѣдкость въ здѣшней Губерніи! Можетъ быть, нигдѣ нѣтъ столько вольнопрактикующихъ стряпчихъ, дѣльцовъ и законниковъ, какъ въ этой губерніи? Всѣ они питаются. . .

чернилами! И удивительное дѣло! Этотъ напитокъ нимало не вредитъ дѣльцамъ: если который изъ нихъ чернѣетъ и худѣетъ отъ него; за то карманы его полнѣютъ и изъ нихъ вылѣзаютъ домики, домы и домищи!

Не хотите ли знать исторію города? Увы! Не спрашивайте меня о томъ: два битыхъ часа провелъ я въ Архивѣ Ратуши, измерзъ отъ холода, напудрился священною столѣтнею пылью, и ничего не нашелъ, кромѣ указовъ изъ Посводской Канцеляріи и счетныхъ книгъ! Архиваріусъ, почтенный осьмидесятилѣтній гражданинъ, еще менѣе моего знаетъ исторію Кая, и мы разстались съ нимъ очень довольные другъ другомъ, потому что оба согласились что въ Архивѣ нѣтъ ничего любопытнаго! Чтожь сказать вамъ о Каѣ? Боже мой! я все приступаю къ вамъ съ вопросами, какъ будто въ самомъ дѣлѣ васъ очень занимаетъ этотъ Кай! Но хотите вы слушать, или нѣтъ, я скажу только то, что Кай

одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Вятской Губерніи; что Кай былъ уѣзднымъ городомъ и переименованъ въ заштатные, что 29 лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь пожаръ— и удивительное дѣло! — Кай не поправился, вопреки всеобщему мнѣнію, что послѣ пожаровъ города хорошѣютъ; что жителей теперь въ городѣ мѣщанъ и прочихъ болѣе 300 человѣкъ — что прославленная Державинымъ Кама протекаетъ подъ городомъ; что здѣсь стерлядей продаютъ по 6 руб. пудъ — что — но довольно. . . . . "Ахъ, Боже мой! скажете вы, я Богъ знаетъ чего ожидала отъ этого Кая! и стоило труда туда ѣхать!„ — Что жь? я туда съѣздилъ не даромъ: эта поѣздка практически доказала мнѣ, что не должно всякому слуху вѣрить, и что, какъ сказалъ Лафонтенъ:

L'homme est de feu pour le mensonge.

I.